

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ОБРАЗЕ³¹

И. Я. Лойфман

*заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор*

М. Н. Руткевич

*член-корреспондент АН СССР,
доктор философских наук, профессор*

Человек есть мера всех вещей.

Протагор

1. ОБРАЗ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Субъект и объект. Основные гносеологические категории материи и сознания, связанные между собой отношением отражения, далее должны быть конкретизированы, а тем самым обогащены рядом «парных» категорий, генетически восходящих к исходным, но вместе с тем отличным от них. Глубокая внутренняя связь духовного и материального в деятельности людей настоятельно требует введения категорий, выражающих различные «срезы» этого отношения (субъект–объект, теория–практика, свобода–необходимость), которые будут последовательно рассмотрены в данной и последующих главах.

В данной главе в центре внимания будут находиться понятия субъективного и объективного, имеющие своей основой категории субъекта и объекта. В своем исходном значении субъект – это познающее сознание, а объект – материальный мир. Если бы реальный процесс взаимодействия сознания с окружающим миром ограничивался данным отношением, не было бы необходимости в использовании данных понятий. Но объект, по определению, – это, на что направлена мысль и действие (пассивная сторона), в то время как субъект – носитель мысли и действия (активная сторона). Объектом мысли может быть, как известно, не только материальный предмет, но и другой человек с его поступками и мыслями, далее, мысль, запечатленная в учебнике по физике или романе «Война и мир»; в конце концов написанная мною пять минут назад фраза также может стать объектом размышления, чтобы быть зачеркнутой или улучшенной. Соответственно понятие субъекта соотносительно с объектом должно трактоваться также в колоссальном диапазоне: от мысли индивида в данный момент до совокупности его мыслей и действий, от общественного сознания в тех или иных его формах и проявлениях до всей практической и познавательной деятельности общества по изменению природы. В общественных науках разграничение объективного

³¹ Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. 2-ое изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. С. 53–76.

и субъективного факторов обычно проводится по линии: сложившиеся независимо от людей объективные обстоятельства и активная деятельность людей (материальная и духовная) по изменению этих обстоятельств. Охват действительности категориями субъекта и объекта универсален, что позволяет философию характеризовать как общую теорию субъекта и объекта в их связи, движении и развитии³². В человеческой деятельности объект и субъект многообразно опосредуют друг друга. Объект распродмечивается и присваивается субъектом, а субъект опредмечивается и отчуждается в объекте. Объект, воздействуя на субъект, выступает в отношении, в сравнении с другими объектами, а субъект, воздействуя на объект, выступает в отношении, в общении с другими субъектами. В сущности взаимодействие субъекта и объекта – это двуединый социально-исторический процесс субъективации объективного и объективации субъективного, т. е. своеобразный переход субъекта и объекта друг в друга. Различные модификации такого перехода характерны для практического, духовно-практического и теоретического способов освоения бытия (в драме жизни человек и актер, и режиссер, и зритель). С учетом этих замечаний перейдем к рассмотрению соотношения объективного и субъективного в основных формах человеческого познания.

Сначала о соотношении субъективного и объективного в каждой из двух известных уже нам ступеней познания – чувственной и рациональной. В первую входят ощущения, восприятия, представления, во вторую – понятия, суждения, умозаключения. И те и другие являются отражениями, копиями, образами внешнего мира, но своеобразными, в каждой из них по-своему сплетаются субъективный и объективный моменты; на этой основе далее мы остановимся на таких сложных образах, как художественный и другие, в которых по-особому сплетены чувственное и рациональное.

Субъективное и объективное в ощущениях. Ощущение является исходным пунктом всех вышестоящих ступеней познания, восприятие представляет собой суммарный образ, получаемый в результате совместной деятельности всех органов чувств и связанных с ними отделов головного мозга; представление суть воспроизведение восприятия в отсутствие предмета по памяти, в нем уже наличествуют моменты обобщения. Так, в представлении о сосне, которое мы можем вызвать с помощью воображения, перед умственным взором предстает не какая-то конкретная сосна с ее индивидуальными признаками, а сосна с ее видовыми признаками, поскольку приходилось видеть много сосен, а не только ту, что

³² См.: Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Дialeктика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. Гл. 6–8.

растет на ближайшей к дому опушке леса. Поэтому анализ образа надо начинать с ощущения, чтобы потом идти дальше.

В формуле: «Ощущение есть субъективное выражение объективного свойства», принадлежащей Л. Фейербаху, выражено главное: с одной стороны, что ощущение по своему содержанию определяется свойствами объекта, похоже на него, должно поэтому рассматриваться как образ объективного мира. С другой стороны, ощущение возникает под воздействием материальных тел на органы чувств, которые тоже есть не что иное, как особым образом организованная материя. При всяком взаимодействии его результат зависит от обоих агентов взаимодействия, данный случай не является исключением. Стало быть, ощущение зависит также от строения органов чувств и является не зеркальной копией, а субъективным образом внешнего мира.

В понимании этой достаточно широкой формулы в историческом развитии философской мысли явно просматриваются две крайние трактовки. Одна из них свойственна созерцательному материализму. Еще Демокрит рассматривал ощущения как результат воздействия на органы чувств излучаемых предметами тонких оболочек, которые как бы оставляют следы на их поверхности. Это наивное представление в то время было вполне естественным, поскольку физиология органов чувств как наука еще не существовала. В принципе его отголоски живы и поныне, например, при истолковании таких ощущений, как цвет, звук, запах, в которых субъективный фактор проявляется сильнее. «Роза пахнет и тогда, когда ее никто не нюхает», «роза красная, когда на нее никто не смотрит» – вот типичные высказывания сторонников созерцательного материализма. Они готовы принять приведенную выше формулу, но при одном условии – в образе нет субъективного, субъективное надо понимать только как принадлежность ощущения субъекту.

Бесспорно, ощущение принадлежит человеку (или животному) как субъекту познания. Но субъективность образа к этому никак не может быть сведена. Наш глаз устроен таким образом, что колебания электромагнитных волн он воспринимает в определенном диапазоне – от 380 до 760 мμ, причем красный цвет соответствует волнам от 600 до 760 мμ. В словах «роза красная» мы отмечаем тот факт, что роза обладает объективным свойством, которое можно назвать цветом, и что ее поверхность отражает волны указанного диапазона, поглощая остальную часть видимого спектра. Точно так же в Утверждении «роза пахнет, когда ее никто не нюхает» мы отмечаем, что роза обладает объективным свойством выделять пахучие молекулы, имеющие определенное химическое строение. Это свойство называют запахом, и в этом смысле роза имеет запах, так же как и цвет. Но запах (цвет, вкус) как ощущение надо принципиально отличать

от одноименных свойств, объективно присущих предметам. Цвет, вкус, запах как наши ощущения отличны от этих свойств, в них есть субъективный момент, определяемый строением органов чувств и мозга.

Наряду с этим достаточно широкое распространение имеет представление о примате субъективного в ощущениях. В законченной форме это представление выражено, хотя и по-разному, в агностицизме Канта и Юма. Юм и его последователи отождествляли ощущения с предметами внешнего мира, но в отличие от Беркли утверждали принципиальную невозможность узнать, имеются ли за ощущениями и восприятиями предметы либо бог. Восприятие и лежащее в его основе ощущение в этом случае субъективируются, и эта субъективность переносится на предметы. Таким образом, различение цвета, звука, запаха, вкуса и т. д. как объективного свойства и как ощущения становится излишним.

Напротив, Кантом между вещами и ощущениями была воздвигнута непреодолимая граница, переход (трансцензус) которой его теория запрещает (критика юмизма и кантианства будет продолжена в связи с проблемой истины) Здесь же отметим, что для кантианства предметы реально существуют и оказывают воздействие на наши органы чувств, производя ощущения. Это роднит его со стихийным материализмом и поэтому могло быть воспринято естествоиспытателями в качестве исходной установки. Таково происхождение «физиологического идеализма». В прошлом веке И. Мюллер выдвинул «закон специфической энергии органов чувств», согласно которому содержание ощущений определяется их строением, а от внешнего мира достаточно лишь получить толчок, порцию энергии, которая необходима для возбуждения органа. Действительно, глаз становится источником ощущений не только при действии на него лучей света, но и при ударе, раздражении током и т. д. Но в этих случаях орган чувств не дает образа предмета, он просто защищается от внешних воздействий, грозящих нарушить его нормальное функционирование.

Более существенный след в философии оставило предположение физика Г. Гельмгольца о том, что наши ощущения являются не более чем иероглифами, символами тех предметов, которые воздействуют на органы чувств. Действительно, понятия «символ», «знак» играют большую роль в теории познания. Слова уже являются знаками, их письменная запись — тем более, а математика вся строится на знаковых обозначениях. Но иначе обстоит дело с понятиями и тем более ощущениями, которые являются не условными знаками, а отражениями, образами предметов, их свойств и отношений. Различие в том, что ощущения в отличие от символа имеют принципиальное сходство с предметом, в них находят отражение

его объективные свойства, и поэтому они успешно выполняют свою роль в приспособлении животных и человека к среде обитания и ее изменениям.

В термине «образ», равно как в терминах «отражение», «копия» и т. д., этот момент сходства схвачен, в то время как в терминах «символ», «иероглиф», «знак» он необязателен. Но и образ — не зеркальная копия, не простое отражение, как лица в зеркале, а субъективное, носящее печать воспринимающего субъекта, его телесной организации. Эта печать в одних ощущениях менее существенна, в других более. В зрении форма предметов воспроизводится в большем соответствии с реальностью, чем цвет, в последнем сильнее сказывается зависимость от строения глаза, у многих животных эта функция у глаза отсутствует. Кроме того, на субъективность первого порядка накладывается субъективность второго порядка, зависящая от особенностей строения органов чувств индивидов, к примеру дальтоников, когда цветовая гамма нарушена и зеленое кажется синим. Эта субъективность может быть обнаружена путем сравнения ощущений, но не непосредственно, сие невозможно, а с помощью высказываний. Такого рода сравнение дает повод для отождествления объективного с общезначимым для всех людей. Например, известный физик М. Борн сводил объективность ощущения к инвариантности, понимаемой в данном случае как общее для всех³³. Но выяснить объективное содержание ощущения с помощью сравнения высказываний об ощущениях невозможно. Для этого необходимы объективные методы исследования, которые широко применяются в современной физиологии органов чувств.

Философская суть дела состоит в том, что объективное физическое явление и субъективное психическое состояние (ощущение) опосредованы объективным физиологическим состоянием (его иногда называют психофизическим), т. е. объективными изменениями в органах чувств, вызванными физическим воздействием. Эти состояния доступны исследованию на основе физических и химических методов. В нашем примере с розой, которая издает запах, концентрация пахучих молекул определенного состава — физическое явление. Когда молекулы попадают в орган обоняния и взаимодействуют с ним, в рецепторе происходит физиологический процесс. Согласно одной из весьма вероятных гипотез, в рецепторе происходит резонансное поглощение излучаемых молекулами электромагнитных волн определенной длины (иной, чем в ощущении цвета). Такова физиологическая основа ощущения как психического явления, которое концентрируется в центре обоняния, расположенном в головном мозгу. Установить сходство

³³ См.: Борн М. Моя жизнь и взгляд. М.: Прогресс, 1973. С. 151–152.

физиологических состояний мы можем. И это дает известную основу для процедуры словесного сравнения описаний субъективного состояния. Таким образом, объективное и субъективное в ощущении находятся в слитном состоянии. Для выделения объективного в содержании ощущения необходимы практика научного исследования и абстрактное мышление.

Иллюстрацией к сказанному может служить вопрос о так называемых границах познания, которые якобы генетически заложены в человеческой природе вследствие особенностей строения органа; чувств. Действительно, наши органы чувств, эти приемники (рецепторы) внешних раздражений, страдают ограниченностью. Каждый из них даже в своей специализированной области воспринимает внешние воздействия в сравнительно узком «окне»: электромагнитны; волны воспринимаются зрением человека лишь в указанном выше узком диапазоне; слух реагирует на звуковые колебания среды в диапазоне всего от нескольких десятков до 20 тыс. колебаний в секунду; вкус различает присутствие в пище небольшого круга химических веществ; еще более ограничено обоняние; осязание даже на кончиках пальцев способно отметить неровности на поверхности тел до определенного их размера, а температурные различия – только в десятых долях градуса и т. д. Агностицизм использует совокупность этих фактов для попыток доказать данную самой природой невозможность проникнуть во многие области реального мира.

Но уже тот факт, что мы знаем о наличии лишь нескольких «окон» во внешний мир, обусловленных строением нервной системы человека, т. е. о границах познавательных возможностей органов чувств, наглядно свидетельствует, что эти границы нами перейдены, т. е. что их не существует. Ощущения даны в практике при непосредственном воздействии внешних агентов на органы чувств, но с помощью той же практики, только в более высокой форме, когда мы целенаправленно воздействуем на предметы природы и на наши органы чувств как на объект научного познания, мы устанавливаем соотношение объективного в явлениях природы и в органах чувств, физического и физиологического, с одной стороны, и психического с другой.

Гносеологическая триада. Для того чтобы перейти к отражений мира в понятиях, высшей формой которых являются научные понятия и системы понятий, теории, а также рассмотреть своеобразно сочетающие в себе чувственное и рациональное образы в искусстве, морали, религии, надо обратиться к вопросу о структуре познавательного образа вообще.

В принцип отражения диалектический материализм включая широко понятый субъективный фактор (потребности и интересы,

перспектива и опыт субъекта, его цели и функциональные возможности, преобразующая воля и практическая активность). Поэтому упрощенную двучленную модель «образ–объект» следует заменить трехчленной «субъект–образ–объект», в которой связь всех звеньев обусловлена практикой.

В рамках трехчленной гносеологической модели сознание и возникающие в сознании образы раскрываются трояко: 1) в отношении к объекту (исходное гносеологическое отношение) сознание есть *предметное осознание* бытия, идеальное отображение объекта субъектом; 2) в отношении к практике (центральное гносеологическое отношение) сознание есть *оперативное*³⁴ осознание бытия, идеальное преобразование субъектом объекта, осознание ситуации деятельности, ее целей, средств и условий; 3) в отношении к субъекту (завершающее гносеологическое отношение) сознание есть *оценочное осознание* бытия, идеальная оценка субъектом его отношения к объекту и к собственной деятельности. В характеристике гносеологических отношений сознания к объекту, практике, субъекту (соответственно как исходного, центрального и завершающего отношения) осуществляется целостность и системность понимания процесса отражения.

Поскольку в системе субъект–объектных отношений сознание может быть представлено гносеологической триадой: предметное осознание бытия–оперативное осознание бытия–оценочное осознание бытия, постольку в структуре формообразований человеческого сознания могут быть выделены в качестве универсальных предметно-отображающий, оперативно отображающий и оценочно-отображающий аспекты. Предметность, оперативность и оценочность являются *атрибутивными* свойствами субъективных образов объективного мира. Указанным аспектам осознания субъектом бытия соответствуют три сферы осознания субъектом самого себя или три стороны самосознания: самопознание, саморегуляция (самопреобразование) и самооценка (эмоционально-ценностное отношение к себе)³⁵.

Следует подчеркнуть, что осознание бытия во всех указанных трех аспектах является процессом отражения, притом отражения творческого. Высказываемое подчас мнение, согласно которому творчество продуктивно, а отражение репродуктивно, одни формообразования человеческого сознания («нормальные») – отражение без творчества, а другие («анормальные») – творчество

³⁴ Термин «операция» понимается здесь как выражение акции, действия, выполнения задачи, деятельности, которая направлена на преобразование действительности в соответствии с потребностями и интересами субъекта.

³⁵ См.: Чеснокова И. П. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. С. 58.

без отражения³⁶, представляется нам более чем спорным. В самом деле, «нормальное» восприятие дерева не есть зеркально-мертвый акт. Еще Дидро отмечал: чтобы получить действительное восприятие дерева, надо вспоминать, воображать, а также иметь суждение. В восприятии, как показывает современная психология, актуальное воздействие вписывается в прогностически направленный образ мира, происходит переход от глобального отражения к отражению в деталях. Что касается таких якобы «анормальных» продуктов сознания, как цели, проекты, прогнозы, то все они суть отражение действительности, в них отражаются объективно-реальные зачатки будущего в настоящем, возможности функционирования и развития актуально существующих вещей и явлений, а также возможности освоения объекта субъектом, вытекающие из его потребностей³⁷.

Образы, возникающие в сознании, должны рассматриваться не только в гносеологическом плане (как субъективная реальность), но и в психологическом (как психическая реальность) и лингвистическом (как языковая реальность, практическое сознание). Взаимное соответствие гносеологической, психологической и лингвистической структур образа имеет для их исследования принципиальное значение.

В современной психологии психика человека характеризуется триадой: *когнитивные процессы – регуляционно-волевые процессы – эмоциональные процессы*. Ее звенья фиксируют психическое отражение познаваемого объекта, психическое отражение состояний субъекта, побуждающих его к деятельности, непосредственное психическое отражение отношений субъекта к объекту, причем в каждое из звеньев триады включены два других. Как отмечает Л. М. Веккер, единство основной триады психических процессов обнаруживается в их общей сенсорной основе, которая фиксируется триадой ощущений: когнитивные процессы генетически и функционально соотносены с экстерорецептивными ощущениями, регуляционно-волевые процессы – с кинестетическими и проприорецептивными ощущениями, а эмоциональные – с интерорецептивными ощущениями³⁸. Психофизиологическая связь отдельных звеньев этой триады была вскрыта еще в рефлекторной (моторной) теории И. М. Сеченова, который интерпретировал познавательные процессы как рефлекторные эффекты «аналитических

³⁶ См., в частности: Шумилин А. Т. Отражение и творчество // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. I: Отражение, познание, творчество. София: Наука и искусство, 1981. С. 583–596.

³⁷ См. об этом Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. 2-ое изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. Гл. 1.

³⁸ Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 3. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 52–53.

снарядов», волевые – как высшую форму психической регуляции действий, а эмоциональные – как усилители эффектов осведомления и регуляции. Таким образом, связь когнитивного, регуляционно-волевого и эмоционального компонентов формообразований человеческой психики генетически и функционально выводится из чувственно-предметного действия субъекта.

Соответственно обращение к структуре речевого высказывания обнаруживает три ряда отношений, характеризующих единство отражения и общения. По данным современной лингвистики это: 1) номинативный, или коммуникативно-предметный, аспект речевого высказывания, показывающий, *о чем* говорится в высказывании; 2) дейктический, или коммуникативно-целевой, аспект речевого высказывания, показывающий, *для чего* оно говорится; 3) модальный, или коммуникативно-смысловой, аспект речевого высказывания, показывающий *отношение* говорящего к содержанию высказывания, к действительности. Лингвистическая триада *номинативность–дейктичность–модальность* фиксирует самые существенные характеристики речевого высказывания и вместе с тем универсальные коммуникативные аспекты отражения.

Итак, универсальность рассмотренной вкратце выше гносеологической триады «предметное осознание бытия–оперативное осознание бытия–оценочное осознание бытия» подкрепляется данными психологии и лингвистики. Для субъективного образа объективного мира устанавливается тройственная корреляция и взаимное соответствие гносеологических, психологических и лингвистических аспектов: предметность–когнитивность–номинативность, оперативность–волюнтативность–дейктичность, оценочность–эмоциональность–модальность. Трехаспектная модель субъективного образа объективного мира в силу ее универсальности открывает пути анализа конкретных формообразований человеческого сознания, среди которых особое место занимают субстратные единицы, «клеточки» духовного воспроизведения действительности, каковыми являются научное понятие, художественный образ и нравственная норма, мифологема и религиозный символ.

2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВ ОБЪЕКТИВНОГО МИРА

Научное понятие. Понятие вообще является *универсальной* формой и продуктом отражения общего в вещах и связях между ними. Научное понятие отличается наиболее глубоким проникновением в сущность отображением законов природы и общества. Выяснить гносеологическую структуру научного понятия – это значит рассмотреть его отношения, с одной стороны, к объекту, к практике, к субъекту, с другой стороны – к иным формам

научного мышления. научного познания основными генетически и функционально связанными ступенями синтеза являются *понятие, теория и картина мира*.

Понятие – элементарная клеточка концептуального знания об объекте отражения (о вещи, ее свойствах и отношениях), выделяющая его существенные характеристики. В отличие от знания в форме представления понятие есть расчлененное на признаки знание о предмете. В соответствии с расчленением научного знания на эмпирический и теоретический уровни научные понятия разделяются на *эмпирические* и *теоретические*. В эмпирической форме научного понятия вычлняются отличительные признаки исследуемого объекта, в теоретической – вскрывается всеобщее основание исследуемого объекта (ср. «металл – тело, которое можно ковать» и «металл – химический элемент, атомы которого легко отдают свои внешние электроны»). Другим выражением разнорядковости существенных характеристик объекта в сфере понятия является разделение научных понятий на видовые и родовые, специальные и общие, конкретно-общие и абстрактно-общие.

Как форма мышления понятие соотносится с суждением. Основное содержание и функциональная структура понятия, различные стороны отраженного в нем предмета раскрываются в *системе суждений – определений*. С этой точки зрения правомерна следующая характеристика понятия: «Понятие – целостная совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта»³⁹. Научные понятия как исторически обусловленные мысленные отражения действительности служат формами бесконечного приближения мысли к объекту. Их объем и содержание изменяются соответственно расширению и углублению знаний о предметах действительности, что проявляется в экстенсивной и интенсивной конкретизации системы суждений-определений понятия (ср. «атом» античных мыслителей и «атом» современной физики)⁴⁰.

Познавательные функции определения стремился выяснить еще Аристотель. Согласно Аристотелю, определения выполняют в познании следующие функции: выражают сущность класса предметов, что достигается с помощью ранее добытых знаний и уже известных выражений; уточняют или вводят новое значение термина или выражения; в доказательстве они играют роль его начала

³⁹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1975. С. 456.

⁴⁰ См.: Готт В. С., Землянский Ф. М. Диалектика развития понятийной формы мышления. М.: Высшая школа, 1981.

и облегчают саму процедуру доказательства⁴¹. Развертывая аристотелевскую трактовку акта определения с позиций семиотики, К. Попа показал, что в этом плане естественно различать: определения, которые фиксируют отношения синонимии между выражениями, имеющимися в объемлющем языке (регистрирующие, или резюмирующие, определения); определения, строящие принципиально новые смыслы для Аминов, которые уже функционируют в языке, но в другом значении, либо вводящие совсем новый термин с новым смыслом (постулятивные, или переквалифицирующие, проективные определения); и определения, которые уточняют либо видоизменяют сложившийся ранее смысл выражений социального языка, соотносят смысл определяемого термина с нормами языка (уточняющие, или разграничительные, определения)⁴². В этой семиотической классификации, как и в трактовке Аристотеля, познавательные функции определения суть описание (предикация, или оформление, содержания знания как предмета знания), *предсказание* (антиципация, или приращение, нового знания) и *объяснение* (экспликация, или обоснование и оценка, знания).

В дальнейшем в логике и гносеологии углубленно исследовались отдельные стороны определения, причем одни предметом определения считали сущность вещей (Спиноза, Гегель), другие – смысл имени (Гоббс, Локк, Милль), третьи – понятие (Кант, Фреге, Риккерт). В методологии диалектического материализма, соединяющей анализ и синтез, определение понятий обрело подлинно *системный характер*.

При диалектическом подходе выделяется уже отмеченная выше функциональная триада: описание – предсказание – объяснение, характеризующая научное знание в его отношении к объекту, к деятельности, к субъекту. Действительно, научное понятие (и определение, раскрывающее его содержание) выполняет в познании: *предметно-описательную* функцию, поскольку представляет знание о сущности предмета в его связях, движении и развитии; *оперативно-предсказательную* функцию, поскольку направляет деятельность человека, целенаправленно охватывает возможные проявления сущности предмета и расширяет знание о нем; *оценочно-объяснительную* функцию, поскольку с учетом конкретных условий и в определенных пределах утверждает адекватность знания его прообразу и устанавливает значимость знания о предмете, вписывая его в существующую систему знаний. Предметно-описательная, оперативно-предсказательная и оценочно-объяснительная функции научного понятия реализуют его генеральную познавательную функцию – быть средством закономерного различения

⁴¹ См.: Попа К. Теория определения. М.: Прогресс, 1976. С. 177–178.

⁴² Там же. С. 111–112.

и выделения предметов тех или иных классов. Таким образом, гносеологическая структура научного понятия как субъективного образа объективного мира характеризуется единством предметно-описательного, оперативно-предсказательного и оценочно-объяснительного аспектов.

Уместно подчеркнуть, что в стиле научного мышления способ переработки продуктов созерцания в научные понятия соотносен с фундаментальными принципами, определяющими особое категориальное видение объекта, причем в процессе формирования научного знания реализуются закономерно связанные конструктивные (логико-методологические) функции научной мысли – описание, предсказание и объяснение. Реальная специфика предмета и метода раз, личных наук нередко абсолютизируется и служит поводом для отрицания единства научного метода.

Так, например, глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд абсолютизировал различия между номотетическим (генерализирующим) мышлением естествоиспытателей и идеографическим (индивидуализирующим) мышлением историков. В. Дильтей проводил резкую грань между науками о природе и науками о духе, полагая, что объяснение применимо в науках о природе как способе бытия объекта, тогда как для гуманитарных дисциплин, для наук о культуре как способе бытия субъекта (в частности для истории) специфичны описание и интуитивное понимание смысла и значения событий (герменевтика). Выше⁴³ уже говорилось о неправомерности разрыва интуиции и логики в научном творчестве. Столь же неправомерен разрыв понимания, образующего суть интерпретации, и объяснения. Как показал французский герменевтик П. Рикер, понимание предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры; «понимание без объяснения слепо, а объяснение без понимания пусто»⁴⁴.

Номотетической (генерализирующей) парадигме естественно-научного мышления социологи постмодернистского толка противопоставляют политеоретический подход в интерпретации и объяснении социальных фактов. Политеоретическое объяснение наблюдаемых явлений мыслится как факторная сумма объяснений отдельных сторон, элементов, частей этих явлений, притом объяснений, полученных исходя из самых различных теоретических представлений (экономических, психологических, исторических и др.)⁴⁵. Политеоретический подход, будучи

⁴³ См. об этом Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. 2-ое изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. Гл. 1.

⁴⁴ Риккер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Академия, 1995. С. 157.

⁴⁵ См., в частности: Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 70–72.

феноменологическим и эклектическим, претендует на всесторонность изучения социальных явлений. Это мнимая всесторонность, игнорирующая необходимость понимания предмета как целостной органической системы, как «единства многообразного», основа которого – главная, существенная сторона данного единства (экономическая – для «социальных организмов»).

Художественный образ. Материалистическая философия рассматривает искусство как субъективное отражение объективной действительности в виде художественных образов. В этом определении подчеркнута гносеологическая сущность искусства как отражения действительности, причем указано на обязательное наличие субъективного момента, который в определенных видах искусства (музыке, архитектуре) выходит на первый план. Вместе с тем в нем указывается статус художественного образа как первоэлемента искусства. *Художественный образ есть универсальная форма и продукт художественного отражения действительности.* Специфика и структура художественного образа определяется спецификой и структурой художественного отражения действительности. В специфической структуре художественного отражения действительности проявляется общая структура человеческого сознания. В соответствии с изложенными ранее посылками художественный образ должен быть рассмотрен в трех аспектах: предметном, оценочном и оперативном; при этом мы будем, естественно, опираться на данные эстетики, искусствоведения и литературоведения.

В эстетической концепции Аристотеля искусство характеризуется как мимесис, как подражание действительности. Он выделял три основных типа подражания: «Так как поэт есть подражатель (подобно живописцу или иному делателю изображений), то он всегда неизбежно должен подражать одному из трех: или тому, как было или есть; или тому, как говорится и кажется; или тому, как должно быть»⁴⁶. Эти типы художественного освоения жизни свойственны искусству в любой период его развития, хотя и в различной степени. Условно их можно было бы назвать объективным (изображение сущего), субъективным (изображение вещей так, как о них говорят и думают) и нормативным (изображение должного). С различными типами художественного освоения жизни связана родовая дифференциация искусства, и, что существенно, они представлены в каждом произведении искусства. Например, родовыми формами художественной литературы являются эпос (изображение событий, внешних по отношению к автору, повествование), лирика (изображение состояний, переживаний, настроений) и драма (изображение действий, конфликтов, ситуаций выбора и принятия решений), и в каждом произведении

⁴⁶ Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 676.

художественной литературы представлены в том или ином сочетании эпические, лирические и драматические элементы⁴⁷.

Посредством мимесиса создается не повторение, а подобие явлений действительности, которое является диалектическим единством сходства и различия. Сходство с реальным предметом отсылает воспринимающего к самому этому предмету, воскрешает в памяти представление о нем; отличие указывает на присутствие творческой личности, т. е. художника, по-своему преобразившего предмет; интервал между полюсами сходства и различия (интервал подобия) дает почувствовать путь и смысл этого преобразования, аккумулирует в себе энергию значений художественного произведения⁴⁸.

Не останавливаясь специально на исторических судьбах триединой формулы мимесиса, которую ввел Аристотель⁴⁹, отметим, что она была творчески развита в трудах Ш. Батте и Д. Дидро, Г. Э. Лессинга и И. В. Гете, В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. В эстетике классицизма художественный образ рассматривался как плод подражания вещам в ракурсе идеала. «Если искусство подражает природе, — писал Ш. Батте, — то оно должно подражать ей разумным, просвещенным образом, не рабски копировать, а выбирать нужные предметы и черты и изображать их в наиболее совершенном виде. Одним словом, необходимо такое подражание, где видна природа, какой она должна быть и какой ее может представить разум»⁵⁰.

В эстетике русских демократов XIX в. на первый план выдвигается действенность искусства. Согласно Н. Г. Чернышевскому, «называть искусство воспроизведением действительности (заменяя современным термином неудачно передающее смысл греческого *mimesis* слово «подражание») было бы вернее, нежели думать, что искусство осуществляет в своих произведениях нашу идею совершенной красоты, которой будто бы нет в действительности»⁵¹. Развивая понимание искусства как сложной системы, Н. Г. Чернышевский представил отношение искусства к действительности в единстве трех существенных сторон: воспроизведение общественно-интересного, приговор над жизнью, учебник жизни. Искусство воспроизводит «законы человеческого действия, игру страстей,

⁴⁷ Швейцарский литературовед Э. Штайгер эпос, лирику и драму соотносит с представлением, воспоминанием и напряжением, считая их основными формами отношения нашего сознания к бытию.

⁴⁸ См.: Шабоук С. Искусство — система — отражение. М.: Прогресс, 1976.

⁴⁹ См.: Шестаков В. П. Эстетические категории: Опыт систематического и исторического исследования. М.: Искусство, 1983. С. 260–287.

⁵⁰ Батте Ш. Изящные искусства, сведенные к единому принципу // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 381.

⁵¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Просвещение, 1947. Т. 2. С. 278.

сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений... сокровеннейшие законы психической жизни»⁵², идейно-эстетически оценивает явления жизни с позиций гуманистического идеала, побуждает к борьбе за улучшение человеческой жизни, воспитывая человека в человеке. «Поэты — руководители людей к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее»⁵³. Можно сказать, что в эстетической концепции Н. Г. Чернышевского каждая из существенных сторон искусства в одном отношении составляет его особенность, а в другом восходит к общим аспектам сознания — предметному, оценочному, оперативно-практическому.

В эстетической теории марксизма, продолжившей классическую традицию от Аристотеля до Чернышевского, трактовка искусства как особой формы человеческой деятельности и как особой формы общественного сознания связывается с материалистическим пониманием исторического процесса. Искусство — прогрессивно развивающееся духовно-практическое освоение мира по законам красоты. Для марксистской эстетики в художественном образе представлены в эстетическом единстве предметное отображение, оценка и преобразование действительности, причем красота неотделима от прогрессивной идейной направленности, в изобразительность неотделима от выразительности. «Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического содержания... с шекспировской живостью и богатством действия...»⁵⁴ — так характеризует Ф. Энгельс специфику художественной картины мира. В известном ленинском определении творчества Л. Н. Толстого как зеркала русской революции получила выражение задача искусства представлять жизнь такой, какая она есть и какой должна быть.

Системный подход к художественному образу как общему явлению для всех видов искусств требует признания универсальности трехаспектной модели художественного образа, в частности таких его сторон (и функций), как *предметно-изобразительная, оперативно-конструктивная и оценочно-экспрессивная*.

Нравственная норма. Мораль как относительно самостоятельная форма общественного сознания представляет собой *нормативное отражение* взаимоотношений между людьми, между личностью и обществом, между различными человеческими общностями. Мораль с ее особыми нормами (от лат. *norma* — правило,

⁵² Там же. Т. 3. С. 426.

⁵³ Там же. С. 313.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 29. С. 492.

образец) появляется тогда, когда позитивное предписание или запрет какой-либо формы поведения осознаются в рамках противоположности добра и зла. Средствами укрепления нравственных начал в общественной жизни выступают традиционно перенимаемые обычаи и общественное мнение, нормы права и религиозные заповеди, фольклор (пословицы, сказки и т. д.) и профессиональное искусство, эстетические теории и другие продукты духовной культуры.

Нравственная норма является началом (основанием) морального сознания, своеобразной «клеточной» морали. Она задает общезначимый и общепризнанный эталон поведения людей, который служит непосредственным регулятором их поведения. Такие гуманистические нравственные нормы, как уважительное отношение к женщине, и особенно к матери, нравственное осознание родства, стыдливость и застенчивость, а также отвращение к кровосмесительным бракам (инцесту), сложились уже в эпоху матриархата. Нравственные нормы раннеклассового общества получили освящение в религиозных кодексах морали. Так, буддизм требовал соблюдения пяти моральных требований (панча-шила): воздержания от нанесения зла кражи, чувственных излишеств и алкоголя. В ветхозаветном кодексе, состоящем из десяти заповедей, говорилось: «Почитай отца и мать своих», «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй» и др. В Евангелии от Матфея предписываются моральные нормы нового типа: «Не противься злему», «Любите врагов ваших», «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Последняя норма первоначально возникает в негативной, более элементарной формулировке:

«Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе». Эта норма пришла на смену норме равного возмездия («око за око зуб за зуб») и получила название «золотого правила» нравственности. В ней концентрированно выражены идея равенства всех людей в их стремлении к счастью и достоинству, ответственность индивида за творимые им деяния. Следует, однако, отметить, что общечеловеческое содержание золотого правила нравственности всегда выступает в конкретно-исторической форме, каждый класс и каждая эпоха вкладывают в него свое содержание⁵⁵.

В ходе исторического развития изменялись общественные отношения людей и сами люди, их представления о добре и зле,

⁵⁵ О социально-историческом содержании нравственных норм см.: Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. М.: Политиздат, 1974; Крывелев И. А. Библия: историко-критический анализ. М.: Издательство политической литературы, 1982; Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1988; Титаренко А. И. Структура нравственного сознания. М.: Мысль, 1974; Петропавловский Р. В. Диалектика прогресса и ее проявления в нравственности. М.: Наука, 1978.

менялись нравственные нормы и механизм нравственной регуляции поведения. История морали в сокращенном виде воспроизводится актуально в процессе морального развития отдельной личности. Достаточно обоснованным представляется выделение в индивидуальном развитии доморального уровня, охватывающего период от рождения до первых проявлений морального сознания, и следующих за ним трех уровней морального развития личности, каковыми являются мораль внушения и подражания, мораль долга и мораль совести.

На уровне элементарной моральности, или морали внушения и подражания, функционирование нравственных норм в индивидуальном сознании определяется формулой: «Делай, как все». Нравственная норма усваивается в ее *предметно-императивной*⁵⁶ функции – как категорическое требование, как жесткое предписание социально необходимого способа поведения. В историческом развитии общества элементарная моральность зарождалась в первобытнообщинном строе, где формировался социальный тип естественного человека, сознание которого определяла конформистская установка.

С ростом самосознания индивида, с увеличением личной свободы и ответственности функционирование нравственных норм в индивидуальном сознании выходит за рамки формулы: «Делай, как все». Осознание вариативного характера бытия человека, соотнесение своих интересов с интересами общества сопряжены с внутренней детерминацией поведения, с решением вопроса: «Почему и зачем надо делать так?», с мотивацией поведения с точки зрения должного и недолжного. Нравственная норма на этом уровне усваивается в ее *оперативно-мотивационной* функции, как мотив, внутреннее побуждение к действию и как рациональное основание для выбора должного действия. В истории общества такой уровень морального сознания характерен для строя частной собственности, формирующего социальный тип деятельного человека, ведущей установкой сознания которого становится индивидуализм.

Высший уровень морального развития личности – это уровень морального саморегулирования, или мораль совести. Совесть является голосом общества в индивидуальном сознании, инобытием долга⁵⁷. Действуя по совести, человек получает высокое удовлетворение прежде всего от самого выполнения общественного долга и совершения добрых дел, от выполнения своего предназначения. При этом деятельность человека становится его самостоятельностью, а нравственная норма – не столько внешним регулятором

⁵⁶ От лат. *imperativus* – повелительный.

⁵⁷ См.: Архангельский Л. М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М.: Высшая школа, 1974. С. 208.

поведения, сколько санкцией того, что можно делать, исходя из масштабов и полноты своей личной ответственности за происходящие вокруг события. Нравственная норма на этом уровне морального развития личности выступает в ее *оценочно-санкционирующей* функции, как оправдание или осуждение, как контроль того или иного варианта поведения. Оценочно-санкционирующая функция нравственной нормы органически связана с оперативно-мотивационной и предметноимперативной функциями. Поэтому разделение нравственных норм на нормы-требования, нормы-стимулы и нормы-оценки весьма условно; вместе с тем несомненна специфичность связи указанных функций в различных нравственных нормах и в различных условиях применения той или иной нравственной нормы.

Регулятивная функция морали, развернутая в систему предметно-императивной, оперативно-мотивационной и оценочно-санкционирующей функций, указывает и на структурные особенности нравственной нормы. В качестве регулятивных элементов, или аспектов, нравственной нормы различают диспозицию, гипотезу и санкцию⁵⁸. Диспозиция характеризует содержание (программу) действия в форме морального требования; она предметно отражает условия общественного бытия и потребности общества. Гипотеза – это предположение об условиях совершения (или несовершения) требуемого нормой действия; она фиксирует объективно возможное многообразие действий в процессе выбора надлежащего варианта поведения, нравственная санкция (одобрение или осуждение поступка) исходит из социальной необходимости требуемого нормой действия; она уступает в форме «оценки, которую человек должен сам осознать, принять внутренне и соответствующим образом направлять свои действия в дальнейшем»⁵⁹.

Функциональная структура нравственной нормы (императив мотивация – санкция) воспроизводится в структуре системы норм, морального идеала, моральных принципов и других элементов морального сознания. Эти элементы различаются по степени обобщенности, по роли в осуществлении регулятивной функции морали. Но все они суть нормативные отражения связи личности и общества призванные обеспечить единство нравственных норм и реального поведения людей.

Мифологема и религиозный символ. Мифология и религия как мировоззренческие формы организации общения и деятельности людей, закрепления и обоснования определенного

⁵⁸ См.: Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой системы. М.: Высшая школа, 1972. С. 45.

⁵⁹ Дробницкий О. Г. Мораль // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 387.

общественного порядка возникли на определенной ступени развития первобытной общины. Это были различные формы *иллюзорно-практического освоения действительности*.

Первобытный миф представлял связь человека с миром по типу кровнородственных родо-племенных связей, очеловечивал окружающую природную среду и с этих позиций объяснял происхождение и место в мировом порядке природных явлений, человека и различных благ культуры, конечные судьбы человека и мира. Центральная фигура первобытной мифологии – герой-демиург (от греч. *demiurgos* – мастер, творец). Это богатырь или богочеловек, в сферу его деятельности входило добывание огня, полезных злаков, изобретение различных предметов культуры, необходимых человеку в его борьбе с природой. Таковы, например, Геракл, Тесей, Прометей в древнегреческой мифологии. Мифосознание было иллюзорнопрактическим. Оно не разделяло воображение и его предмет, имя вещи и саму вещь, объяснение и фантастическое преобразование мира. Первобытному человеку казалось, что противостоящие ему силы в природе и обществе можно подчинить посредством особых обрядовых действий, языковых формул (заклиний) и прочих элементов магического ритуала. Но для того чтобы овладеть вещью, получить над ней власть, необходимо было понять начало вещи, ее происхождение⁶⁰.

Универсальное понимание происхождения вещей, генеалогической связи человека с миром дают основные идеи мифов – *мифологемы*. Это мифологемы света и тьмы, вечного возвращения, оборотничества и др. Мифологема света и тьмы, видимого и невидимого мира служила основанием двоичной классификации различных сфер бытия, человеческой жизни и знания: небо–земля, день–ночь, верх–низ, восток–запад, лето–зима, жизнь–смерть, человеческое–нечеловеческое, мы–они, свои–чужие, добро–зло и т. д. Прообраз этой бинарной мифологемы можно усмотреть в дуально-родовой организации первобытного общества (разделение первобытного стада на две половины, два первоначально экзогамных рода, брачная связь между которыми определяла эндогамное племя). «В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира»⁶¹. На универсальность бинарных оппозиций в мифологическом мышлении первобытных народов указывает французский этнограф и философ К. Леви-Строс. Согласно Леви-Стро-

⁶⁰ О специфике см.: Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970; Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972; Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.

⁶¹ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. С. 291.

су, миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их позленному снятию—медиации, причем медиатор (посредствующий член) совмещает в себе признаки обеих противоположностей и в известной мере разрешает противоречие.

Так, в мифологии североамериканских индейцев волшебный койот или ворон (пожиратели падали) — это переходная ступень между травоядными и плотоядными, туман — между небом и землей, скальп — между войной и земледелием (скальп — «жатва» войны), одежда — переходная ступень от природы к культуре. Цепь медиаторов обозначалась сходными по семантике или по звучанию словами, что служило основанием для возникновения фантастических представлений о том, что бог росы является хозяином животных, скальпы делают росу и т. д.⁶²

В мифологеме вечного возвращения получила выражение идея периодического обновления космоса, обратимости процессов внешнего мира и всего потока бытия. Чтобы возродиться, нужно умереть, возвратиться к изначальным истокам. Умирают и возрождаются к новой жизни и Солнце, и зерно, и человек. В греческой мифологии воплощением космического ритма и вечного обновления жизни служила волшебная птица Феникс, которая в старости сжигала себя и тут же возрождалась из пепла молодой и обновленной. У многих народов мира существовали мифы о периодической гибели мира в результате всемирного потопа, пожара или мора и последующем его возрождении. Эта мифологема вошла в мифы о ежегодно умирающем и воскресающем боге Осирисе (Египет), Таммузе (Вавилония), Адонисе (Сирия), Аттисе (Малая Азия), Дионисе (Греция), а также в миф о Христе. «Главным, — пишет в этой связи М. Элиаде, — является то, что повсюду существует понятие конца и начала некоторого временного периода, основанное на наблюдении за биокосмическими ритмами, входящее в более широкую систему периодических очищений... и периодического возрождения жизни»⁶³.

Мифологема оборотничества утверждает универсальную способность мифического героя принимать облик любого человека, животного и растения, камня и небесного тела. Все может быть отождествлено со всем. Считалось, что и человек, знающий начало всех вещей (знахарь, колдун, шаман), приобретает способность к превращениям посредством магического ритуала. Всеобщее оборотничество было фантастическим выражением целостности мира, единства человека с окружающим миром.

Обобщая накопленный науками о культуре материал, можно дать гносеологическую характеристику мифологеме как

⁶² См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 201–202.

⁶³ Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 66.

предметного, оперативного и оценочного осознания бытия. В предметном аспекте мифологема представляет собой модель мира, порождающую из хаоса явлений универсальный, хотя и иллюзорный, порядок и гармонию. В оперативном аспекте мифологема – наставление в ритуально-магической деятельности, которое позволяет регулировать, хотя и иллюзорно, реальный ход событий. В оценочном аспекте мифологема объясняет, хотя и иллюзорно, родословную того или иного явления, его место и ранг во всеобщей связи бытия. Связывая функцию со структурой, можно утверждать, что в общественном сознании мифологемы выполняют *предметно-моделирующую, оперативно-ритуальную и оценочно-этиологическую*⁶⁴ функции, способствуя гармонизации отношений человека с миром.

В отличие от мифологического сознания религиозное сознание разделяет мир на сверхъестественный и естественный при абсолютном господстве первого над вторым. Населенный духами и богами потусторонний мир становится объектом религиозного поклонения, иначе говоря, культовой практики (лат. *cultus* – почитание). В систему религиозного культа входят и реально существующие предметы и лица. Это, в частности, культовые здания и служители культа, крест и полумесяц, иконы и мощи и т. д. Все они наделяются сверхъестественными свойствами, возводятся в ранг сакральных (священных) и служат посредниками в общении между людьми и сверхъестественными силами. Религиозный человек верит, что посредством особых символических действий (молитвы, богослужения, жертвоприношения и другие обряды) можно общаться с богом и другими сверхъестественными силами, искать у них помощи и обретать благодать и защиту от всех невзгод.

Религиозное отношение к миру, также являясь иллюзорно-практическим, вместе с тем существенно отличается от мифологического. Миф был повествованием, содержание которого осознавалось как полностью объективная реальность; в мифосознании отсутствует дифференциация субъективного и объективного, природного и социального, чувственного и сверхчувственного. В религиозном сознании мир видимый, воспринимаемый нашими чувствами, противопоставляется миру потустороннему, сверхчувственному, и элементарной формой мировосприятия становится *символ сверхъестественных сил*. Кроме того, противоположны смыслы мифологического и религиозного ритуалов: первый направлен на возобновление мифологического события с целью сохранения мирового порядка, второй – на обеспечение помощи

⁶⁴ Этиологической (греч. *aitia* – причина) называют функцию мифа, объясняющую первотворение вещей в мифическом времени.

сверхъестественных сил во имя достижения конкретных целей⁶⁵. Религия служит иллюзорным, фантастическим средством компенсации (восполнения) практического бессилия людей в борьбе с внешними силами, которые господствуют над ними. Эта иллюзорно-компенсаторная функция реализуется во всем многообразии социальных функций религии.

Религиозный символ – это единица, «клеточка» религиозного сознания⁶⁶. Вообще символ как субъективный знак объективного мира есть чувственно-наглядное и многозначное воплощение общей идеи, своего рода многозначное иносказание. Символ представляет и заменяет символизируемое, ассоциативно сопряжен с символизируемым и допускает разнообразие интерпретаций. Так, круг – это символ Солнца, совершенства, вечности; голубь – символ невинности и кротости, мира, человеческой души, Христа и сошедшего на него Святого духа и т. д.; крест – символ христианства, победы, страдания и спасения через муки, вечного обновления и возрождения и т. д. Своеобразие религиозного символа состоит в том, что в предметной ипостаси он иносказательно представляет мир сверхъестественных сущностей, создавая видимость присутствия и реальности сверхъестественного; в оперативной ипостаси он играет роль культового посредника между человеком и миром сверхъестественных сущностей; в оценочной ипостаси он освящает (сакрализует) отношение человека к миру сверхъестественных сущностей. *Предметно-иносказательная, оперативно-культовая и оценочно-сакральная функции религиозной символики* позволяют ей выступать в роли иллюзорного компенсатора, человеческого бессилия.

Следует подчеркнуть, что и мифология, и религия являются спутниками неразвитости общественно-исторической практики, ограниченности отношений людей к природе и друг к другу. Эти формы иллюзорно-практического освоения действительности перестают быть элементом духовной культуры лишь в той мере, в какой в сознании масс исчезают социальные предпосылки их воспроизведения.

В этой связи уместно обратиться к весьма распространенной точке зрения на религию как на якобы вечный атрибут человеческого сознания. Не будем касаться аргументов, предъявляемых теологами, которые вечность религии как чувства и как знания о боге непосредственно выводят из первичности и вечности бога как высшего сознания, воли, любви. Несостоятельность логических

⁶⁵ См.: Колосницын В. И. Религиозное отчуждение. Свердловск: Урал. ун-та, 1987. С. 212.

⁶⁶ О специфике религиозного символа см.: Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. С. 56–58.

доказательств божественного бытия давно доказана, эмпирически наблюдать деятельность сверхъестественных сил науке не удавалось. Поэтому особое внимание привлекают ссылки на структуру мозга: правое полушарие, как известно, является средоточием чувств, эмоций, левое – логических процессов. Ссылаясь на этот факт, академик Б. В. Раушенбах замечает, что «человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное (внелогическое, образное) восприятие его»⁶⁷. Последнее дается, по его мнению, искусством, моралью и религией. Отсюда следует вывод о *неустранимости*, более того, полезности религии. В данном рассуждении, на наш взгляд, допущены погрешности.

Во-первых, оба полушария «работают» слаженно. Художественный образ часто служит вспомогательным средством в создании научной гипотезы, но сам он не есть только чувственный, эмоциональный, но пронизан мыслью. В художественной литературе это очевидно, так как ее строительным материалом выступают слова-понятия, а «сверхзадача» произведения принимает форму более или менее четко сформулированной идеи. Но это верно и для других областей искусства. Моральные нормы выражены в логической форме как правила поведения, заповеди и т. д., религиозное чувство неотделимо от догматов веры⁶⁸.

Во-вторых, целостное мировоззрение, как доказывает опыт истории, может быть *донаучным* и *ненаучным*. Если же говорить о современном *научном мировоззрении*, то оно вполне обходится без религии. Вся история материализма – это история становления и развития научного мировоззрения в борьбе с мировоззрением идеалистическим, которое чаще всего было религиозным. Последнее господствовало долгие столетия, что не могло не оказать влияния и на естествоиспытателей. Но это влияние уменьшается вместе с понижением роли религии в обществе. Ф. Энгельс как-то в шутку заметил, что «с богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели»⁶⁹. Они приписывают божественному вмешательству то, что в данное время не поддается рациональному объяснению, но, по мере того как сфера познанного расширяется, они сами вытесняют бога из природы. Ньютону он был нужен для «первого толчка» в объяснении Солнечной системы, но Кант и Лаплас объяснили движение планет естественными причинами. Джинсу и Леметру бог был нужен для «первого толчка»,

⁶⁷ Раушенбах Б. Религия и нравственность // Знамя. 1991. № 1. С. 212.

⁶⁸ О разных способах обработки информации каждым полушарием и их взаимодействии, т. е. механизме интуиции, см.: Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. Л.: ЛГУ, 1991.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 514.

обусловившего расширение Метагалактики, но нет сомнения в том, что и эта тайна природы найдет рациональное объяснение.

В-третьих, в качестве причины вечности религии Б. В. Раушенбах привлекает «ген религиозности»⁷⁰. Поскольку все первобытные племена имели религиозные верования, то этот ген якобы существовал и продолжает существовать, передаваясь из поколения в поколение. Но как быть с дорелигиозным периодом в становлении человечества, когда оно формировалось из стада предков? Антропологи придерживаются мнения, что этот период существовал. Значит, приводится предполагать, что данный ген возник либо получен в наследство от обезьян, которым тоже придется приписать наличие этого гена, а тем самым религиозность? И если дело в гене, то как быть с атеистами — детьми верующих родителей, с атеистами вообще? Эти и подобные вопросы остаются без ответа. Суть же дела в том, что социальные качества человека передаются не через изменения в генной структуре ДНК, социальные изменения в ней не закрепляются. Сущность человека определяется не только принадлежностью к виду *Homo sapiens*, но главным образом общественными условиями и изменяется вместе с ними.

Провалившиеся попытки насильственного «упразднения» религии, учитывая давний опыт Великой французской революции и свежий опыт Октябрьской революции в России, последующих карательных и ограничительных мер против церкви, наглядно свидетельствуют, что религия и мистика имеют глубочайшие *социальные корни*. Поэтому и освобождение от веры в господство сверхъестественных сил над субъектами людей и в бессмертие души будет чрезвычайно длительным историческим процессом, сроки которого предсказать никто не может. Сказанное полностью относится и к наиболее древним, но и поныне широко распространенным вульгарным проявлениям веры в чудеса.

Следует учитывать, конечно, наличие противодействующих этому социальных сил. За религией стоят мощные церковные организации, в успешной деятельности которых непосредственно заинтересованы миллионы священнослужителей, а также господствующие классы. Десятки тысяч астрологов, колдунов, парапсихологов, иных предсказателей судьбы тоже имеют собственные организации и пользуются финансовой поддержкой. Особо следует отметить роль средств массовой информации в распространении религиозных и прочих мистических воззрений. В нашей стране после десятилетий запретов со стороны властей СМИ буквально соревнуются в проповеди религиозных воззрений и трансляции богослужений, равно как в предоставлении газетной площади и телевизионного времени «прорицателям» разного толка.

⁷⁰ Раушенбах Б. Религия и нравственность // Знания. 1991. № 1. С. 206.

Критический разбор деятельности современных ясновидцев, экстрасенсов и телевизионных целителей читатель может найти в книге В. С. Матвеева «Загадки и резервы психики». Ограничимся приеденной в этой книге классификацией экстрасенсов, которую дал психотерапевт, профессор Б. Д. Карвасарский: «Примерно восемьдесят процентов этих людей просто психически больные. Да, они иногда психотерапевтически действуют на других – путем внушения. Примерно десять процентов из тех, кто приходит ко мне, психически не больны, но с отклонениями от нормы. И еще десять процентов – просто мистификаторы, наживающие на этом большие деньги и громкую славу»⁷¹. С распространением веры в земные и инопланетные чудеса, в предсказания астрологов смыкается ныне религиозная мистика, подрыв научно-материалистического мировоззрения, что вообще характерно для общества в состоянии кризиса. Показательна в этом отношении статья В. Н. Тростникова «Научна ли “научная картина мира”»⁷². Ссылаясь на ограниченность редукционизма, эволюционизма и рационализма и произвольно толкуя значение ряда крупных научных достижений (уравнение Шредингера в физике, структурная модель ДНК в биологии, теорема Геделя в математике), В. Н. Тростников заявляет, что данными современной науки существование Бога-Творца можно считать доказанным, а материалистическое мировоззрение опровергнутым.

На Западе, где массовое сознание давно и постоянно испытывает давление подобного рода, подчас прорываются трезвые голоса. Так, в Германии в начале 1992 г. Общество научного исследования парапсихологических наук проверило состоятельность астрологических предсказаний на 1991 г. На пробу были взяты 152 предвидения 27 толкователей расположения звезд. Корреспондент сообщает: «Результат оказался сногшибательным. 103 предсказания были полностью, как говорится, пальцем в небо. Подтвердилось только жалких 14 пророчеств. Да и потому, что сформулированы они столь расплывчато, что их можно трактовать как угодно»⁷³.

К сожалению, в нашей стране с ее давними и солидными материалистическими традициями, подпитывавшимися последние десятилетия государственной поддержкой, ныне (в порядке тотального отрицания предшествующего периода) пропаганда атеистического мировоззрения и разоблачение наживающихся на массовых предрассудках шарлатанов стали для большинства средств массовой информации нежелательными. Таков еще один «зигзаг истории», который рано или поздно будет историей же выправлен.

⁷¹ Матвеев В. С. Загадки и резервы психики. Свердловск: Урал. ун-та, 1990. С. 211–212.

⁷² См.: Новый мир. 1989. № 12.

⁷³ Григорьев Е. «Слона»-то проглядели // Правда. 1992. 6 января.